

Из истории подтекстовой героики А.С. Пушкина

Арсений
Замостьянов,
кандидат
филологических наук,
доцент Литературного
института
им. А.М. Горького

Наше внимание всё сильнее приковывает героическая, патриотическая тема, которая присутствует в творчестве всех великих русских поэтов. В рамках школьного курса — за три последних года обучения, следует создать у учащихся ощущение цельной системы русской героики, открыв перед ними своеобразную антологию хрестоматийной патриотики. Героический мотив в творчестве А.С. Пушкина привлекал внимание педагогов ещё при жизни поэта. Тематика и пафос произведений такого рода гармонично сочетаются с материалами из истории Отечества, с фольклорными традициями, понятными детям.

Пушкинское наследие — основа школьного курса литературы. По многолетней традиции, в «предпредпоследнем» (точнее при нынешней неразберихе не скажешь) классе начинается изучение русской литературы в хронологическом порядке, в контексте биографий писателя и исторических событий. Историко-литературный принцип, на наш взгляд, вполне обоснован при изучении литературы в старших классах. Любая альтернативная система кажется менее убедительной, хотя эксперименты нередко привлекают новаторской живинкой.

Нынешним школьным учителям, да и вузовским преподавателям (даже гуманитарных вузов!) предстоит иметь дело с учениками и студентами, которые не склонны к читательскому энтузиазму. В этих условиях трудно рассчитывать на плодотворное изучение классической романистики, романов и повестей XX века. Трудно поверить, что за несколько месяцев современный школьник, ночами просиживающий за загадочными виртуальными играми, прочитает «Войну и мир», «Преступление и наказание», «Господ Головлёвых», «Отцов и детей»... В краткий, четвертьвековой период было написано несколько десятков великих романов, и прочитать их разом сможет только глубоко увлечённый литературой молодой человек. А большинство, увы, ознакомятся с литературной классикой по кратким пересказам и (в лучшем случае) кино- и телеэкранизациям. Это означает литературную необразованность, отсутствие необходимых эстетических возможностей, которое аукнется и откликнется в профессиональной и семейной жизни бывших школьников. Пушкин с его лаконизмом в прозе и поэтическим «гением чистой красоты» может и должен стать палочкой-выручалочкой для педагогов, которым не безразлично литературное образование своих подопечных. Возрастает важность чтения вслух на уроках. Кто-то воспримет это как знак деградации — и будет прав. Это она самая, деградация. Но переломить тенденцию можно, лишь приспособившись к её содержанию. Преувеличенно оптимистичная оценка ситуации так же опасна, как и стелания.

Определяя задачи уроков литературы для старшеклассников, мы нередко оказываемся в плену мнимого противопоставления эстетического и идейного начал. Мнимого, потому что в классической литературе эти начала существуют в гармоническом единстве. Прежняя — советская — программа решительно предпочитала идейную составляющую. Ленинские статьи, начиная с вызубриваемой наизусть «Памяти Герцена», определяли историко-литературную концепцию учебников. Элементы классовой борьбы, развитие либеральных идей и революционного движения — всё это пронизывало

повествование о русской литературе — от «Слова о полку Игореве» до Максима Горького. При этом были найдены весьма надёжные подходы к преподаванию таких произведений русской литературы, как «Евгений Онегин», «Война и мир», а в более поздние годы — и «Преступление и наказание». Сформирована традиция ученического уважения к этим произведениям, а квалификация учителей позволяет интересно проводить уроки по привычным, апробированным произведениям. А вот произведения-новички с трудом приживаются на школьной почве... Во многих школах последний год обучения, с XX веком в литературной программе, проходит на холостом ходу, при взаимном равнодушии учеников и учителей.

Итак, новая реальность, новые тенденции в отношении к литературе. Основную тенденцию можно условно назвать диктатом эстетики. Этика, идеология отходят на второй и третий план. Но — вот беда — оказывается, что без идеологической нагрузки литература теряет во влиянии, начинает восприниматься как третьестепенная дисциплина. Так стоит ли бояться видеть в истории литературы «политику, опрокинутую в прошлое»? Думается, этот мотив мог бы придать хрестоматийным памятникам обаяние актуальности, новизны.

Сегодня наше государство обретает себя, ищет пути к народному согласию. Трудно переоценить роль А.С. Пушкина в этом. И мы не должны лишать школьную программу Пушкина-гражданина. Ранняя гражданственная лирика Пушкина, связанная со стилевыми наработками русской литературной героики XVIII века, интересна в школьном контексте ещё и потому, что её автор был почти ровесником нынешних старшеклассников.

В первые десятилетия XIX века развитие русской героической поэзии главным образом определяли представители «Беседы любителей русского слова» — Г.Р. Державин, А.С. Шишков, С.С. Бобров и другие. Ярчайшим из молодых поэтов противоположного «Беседе» карамзинского направления был А.С. Пушкин, очень скоро переросший и сами масштабы «Арзамаса». Разумеется, участником «Арзамаса» был и Василий Андреевич Жуковский — автор таких памятников русской героики, как «Певец во стане русских воинов» и «Певец в Москве». На уроках необходимо изучение пушкинского наследия разных этапов творчества поэта, в контексте влияния на него, которое оказывали поэты 1730–1810-х. Такое внимание пушкинскому наследию закономерно: роль этого поэта в формировании истории русской литературы XIX–XX веков так велика, что она бросает тень и на предшествующую литературу, на литературу XVIII века. Мы рассмотрим пушкинскую героику десятых годов.

Раннее творчество Пушкина закономерно завершает историко-литературный этап, определивший классическое соотношение героики и поэзии, обозначивший роль героического пантеона в русской литературе. Отношение Пушкина к русской поэтической героике XVIII века и персонально к Г.Р. Державину выражено в стихотворных и иных откликах, в хрестоматийном ключе — в «Воспоминании в Царском Селе». В пылу литературной полемики Пушкин не раз в пренебрежительно-проническом виде представлял поэзию предшественников и современников из «Беседы...», в том числе и поэзию героическую. Эта тенденция в пушкинской поэзии была эстетическим бунтом против литературного официоза. В то же время Пушкин чувствовал и своё собственное родство с поэзией XVIII века, бывшей его первым литературным впечатлением и, наряду с античной и новой европейской поэзией, тем контекстом, в котором получала первый толчок и дальнейшее развитие его поэзия.

Знаменательный факт, на который обращали внимание исследователи А.С. Пушкина, начиная с П.В. Анненкова, — влияние макферсоновского Оссиана на молодого лицеиста Пушкина. Среди первых напечатанных Пушкиным стихотворений — подражания Оссиану. Влияние Оссиана на молодого Пушкина сопоставляют с влиянием Парни и Жуковского. И Оссиан вводил Пушкина в мир поэтической героики, учил культуре героических образов. Этот процесс отличался сложностью и противоречиями. Известный русский исследователь оссиановой героики, Е.В. Балобанова, в 1907 году опубликовала статью «Пушкин и Оссиан», включённую в собрание сочинений А.С. Пушкина под редакцией С. Венгерова. Балобанова, анализируя пушкинский материал, приходит к выводу, что в пушкинских подражаниях Оссиану преобладает «дух Парни, но никак не Макферсона»¹.

1

Балобанова Е. Пушкин
и Оссиан //
Пушкин А.С. Сочинения
в шести томах / Под ред.
С. Венгерова. Т. 1. СПб.,
1907. С. 107.

Конечно, мифологизированный Макферсоном и позднейшими подражателями, в том числе и русскими, образ Оссиана (имевший впечатляющую иллюстрацию — гравюру 1787 года) был для Пушкина замечательным примером вдохновенного творчества поэта, воспевавшего подвиги героев. В этом и Пушкин стал видеть одну из сторон своей миссии.

В подражаниях Оссиану Пушкин испытывал и влияние Ермила Кострова, его известных переводов из Макферсона². Первое из «оссиановских» стихотворений Пушкина — «Кольна», за ним последовали «Эвлега» и «Остар» (все написаны в 1814 году). Романтизированная, экзотическая северная героиня входила в мир лицеиста Пушкина. Отечественная война 1812 года не стала магистральной темой Пушкина-лицеиста в 1814–1816 годах, увлечённого эпикурейскими мотивами. Но 8 января 1815 года на лицейском экзамене было прочитано «Воспоминание в Царском Селе», воспринятое как достойный ответ на державинский призыв 1813 года:

Младым певцам греметь
Мои вверяю ветхи струны,
Да черпнут с них в свои сердца перуны
Толь чистых, ревностных огней,
Как пел я трёх царей.
(Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества)

Заметим, что в этом поэтическом завещании Державин обращает особое внимание на героиню — главную миссию поэта. И включает он эти строки в лиро-эпический гимн, посвящённый последнему из воспетых Державиным поколению русских героев. Пушкин в своём «Воспоминании...» восстанавливает свойственную и Макферсону — Оссиану, и Державину схему «поэт — герой» в финальном призыве, воспринятом как ответ Державину от молодого преемника:

*О, Скальд России возрожденной,
Воспевший ратный грозный строй!
"..." Да снова стройный глас Героя в честь прозвучит,
И струны тремельки осветят оскв в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
Учи звукая брачного пивца!*

Позже Пушкин сыграет такую роль певца в царствование Николая I, продолжив державинские традиции в «Бородинской годовщине», «Герое», в поэтическом ответе «Клеветникам России». Наконец, в стансах «В надежде славы и добра» и «Друзьям», в которых, как и в державинских стихотворениях «Видение Мурзы» и «Храповицкому», философски осмысливается соотношение «творчество — власть», «поэт и царь»... Но основание пушкинской героини было заложено в десятые годы XIX века.

В эпоху наполеоновских войн Пушкина привлекла история 1815 года, история наполеоновского изгнания на Эльбу и последовавших за ним головокружительных ста дней. По горячим следам этих событий, в 1815 году, было написано стихотворение «Наполеон на Эльбе». Образ Наполеона в стихотворении трактуется как демонический, сугубо отрицательный. В молодом Пушкине был жив патристический дух борьбы с захватчиком, и строки получились соответствующие:

*В уле губителья теснились мрачные думы,
Он кобы в мстай Эльбе цепь ковал...*

²
См.: Никсанов И.
Пушкин и Оссиан //
Там же. С. 112, 113.

*Из истории поэтической героики
А.С. Пушкина*

Наполеон обращается к своему счастью, которое всю жизнь руководило его судьбой. Его планы — это планы эгоиста, антигероя, который не остановится ни перед чем. Речь Наполеона саморазоблачительны, подобно монологам сумароковского Димитрия:

*Все гибнет, и тогда, в вислобичи разрушены,
Царем восстану на гробах!*

В финале Пушкин пророчит гибель дерзкого антигероя: «...жребий твой ещё сокрыт!» Одним из центральных произведений пушкинской героики 1810-х годов было послание «Александрю» (1815). В нём Пушкин использует державинский образ «россов», встающих перед врагом «твердыней»:

*Сквозь Бородину, о кувшинские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторгивенной да братвдими спешил,
Костю же на бранный дол я крови не пролил?*

Царь-победитель — «России божество» — объединяет разные поколения русской славы, среди которых выделяются екатерининские герои:

*Старик, счастливейший век дабыл Екатеринки,
Вдурает на тебя с бедноливного следой.*

Подобно Жуковскому, Пушкин прославляет Александра как миротворца, как «доброе царя», которого «в слезах благословит» народ. В лицейский же период Пушкин участвовал и в другом масштабном культурном начинании Жуковского — в создании гимна Российской империи, «Молитвы русских».

Пушкин дополнил строфы Жуковского (речь идёт о первом варианте гимна «Молитва русского народа» 1814 года) двумя семистихиями, прославляющими русского царя:

*Так — грозной славою,
Сильной державою
Мир он покрывл.
Здесь бедноливного
Сенью казвеного,
Благостью казвеного
Нас осенил.*

(1816)

Победоносный
Александр I.
Из медальонов
графа Ф. Толстого
в память событий
1812–1815 гг.

Эти стихи композиционно примыкали к стихам Жуковского и исполнялись под музыку английского гимна, вместе со строфой Жуковского, на октябрьском лицейском празднике 1816 года. Пушкин подхватил гармоничную мелодику Жуковского, насытил её мотивами идеализации государя — и получился гимн александровской эпохе, эпохе военных побед и утверждения Просвещения. Участие А.С. Пушкина в процессе создания национального гимна Российской империи (этот процесс, начатый композитором Осипом Антоновичем Державиным и Г.Р. Козловским «Гроном победы», растянулся на несколько десятилетий) особенно показательны в историко-культурной перспективе.

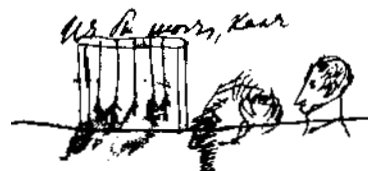
К концу десятих годов конфигурация пушкинской героики меняется. Пушкин выступает продолжателем Радищева в героизации личной борьбы против несправедливого общественного порядка, а также создаёт образцы русских романтических героев — борцов, отверженных, мужественных одиночек или, напротив, членов сплочённого коллектива друзей. Меняется отношение к образу царя Александра.

Отметим замечательное стихотворение 1818 года «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), рисующее идеал героической жизни друзей — представителей интеллектуальной элиты, романтических героев, служащих России и Просвещению. Эти хрестоматийные строки и у позднейших их читателей вызывали ассоциации с героической романтикой патриотизма:

*Мой друг, Откидне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Но этот патриотизм (как и у Радищева) не был связан с официальной идеологией. Здесь речь идёт и о праве на фронду во имя прогресса, связанную с мотивами романтической молодой дружбы:

*Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда темного счастья,
Россия встряхнет ото сна,
И на обломках самовластия
Напишут наши имена!*

Самовластье (не стоит смешивать это понятие у Пушкина с самодержавием) объявляется врагом, с которым романтический герой борется из патриотических побуждений.

В послании «К Чаадаеву» закрепляется важный для пушкинской героики мотив — героизация романтической дружбы двух сильных личностей, психологически дополняющих друг друга. В позднейших стихах Пушкина этот мотив возникает постоянно, дополняясь сюжетами размолвок и дискуссий с друзьями.

Чаадаевская тема оказалась в центре русской гражданской поэзии в 1830-е годы, отразив глубокую дискуссию патриотов и космополитов (в то время П.Я. Чаадаев олицетворял идеологию последних). Стихи Н.М. Языкова и Д.В. Давыдова, гневно обличавшие «врага России», дополнили поэтический образ Чаадаева, зародившийся в раннем послании Пушкина. Но этот историко-литературный эпизод был уже продолжением, развитием темы, заявленной в интересующий нас период.

Отметим, что наличие в этом хрестоматийном стихотворении героической темы бесспорно: более того, на наш взгляд, именно свежая трактовка героического образа определяет своеобразие пушкинского послания «К Чаадаеву». А отношение Пушкина к традиционной, уходящей корнями в XVIII век героической поэзии очевидно по множеству эпиграмм того времени, адресованных поэтам шишковского круга и прежде всего Сергею Шихматову. Вспомним известное:

*Поздфарский, Микин, Турмоген
Или Спасенная Россия —
Слов дурен, тмкен, каньцен —
И тидьфельс слова пустви.*

Здесь само название героической поэмы Шихматова становится стихами эпиграммы на него. Конечно, эти стихи, как и многочисленные иные произведения «шишковистов» и «карамзинистов», связаны со своеобразной литературной войной, в которой соперники не щадили

друг друга. Война эта имела печальные последствия для нынешнего читательского восприятия истории русской литературы: многих талантливых представителей «Беседы...» теперь связывают с их двойниками — героями колких эпиграмм. В эпиграмме на Шихматова Пушкин нисколько не насмехается над культом героев русского XVII века. По мнению поэта, неудачное литературное воплощение их образов лишь унижает память о великих героях нашей истории. В то же время отметим, что системному методу Пушкина, строившего свой неповторимый художественный мир, было свойственно умение учиться у самых разных предшественников и современников, от Хераскова и даже Хвостова до Жуковского и Дениса Давыдова. И героические поэмы Сергея Шихматова дали толчок к пушкинским поискам в этом жанре, в своё время ставшим для поэта чрезвычайно важными.

Пушкинский герой — и в этом глубинная связь поэта с русской традицией — никогда не теряет чувства патриотизма, чувства Родины. И Мазепа, и презирающая Россию героиня «Демона» в поэзии Пушкина противопоставлены подлинным героям, рыцарски преданным России. Сохранившиеся патриотические мотивы оживляют даже сложнейший образ самозванца Григория Отрепьева — и на это пушкинское построение в разное время обратили внимание И. Сельвинский и Е. Эткинд. Патриотизм здесь воспринимается как гуманизм, как примета неистребимой человечности. Человечность и нравственная чистота любимых героев Пушкина — это мотив, во многих работах исследуемый В. Непомнящим. Отрыв от почвы, презрение к родной стране, к её истории и народу воспринимаются как катастрофа, как нечто демоническое, тёмное. Патриотическое начало, отражённое в лирике и эпике Пушкина, — в 1810-е годы ярчайший его пример, мятежное послание «К Чаадаеву», — и стало связующим звеном между Пушкиным и предыдущим поколением поэтов-героизаторов, а также между Пушкиным и его многочисленными последователями.

Патриотическая тема в русской героике — основная; она усиливается в развитии героической поэзии от Тредиаковского до Державина; Пушкин находит новые формы для выражения патриотического чувства; в собственно пушкинской поэзии 1810–1830 годов заметно стремление к усилению патриотической темы.

Патриотизм был главным принципом, которого требовали от читателя русские поэты, в чьём творчестве преобладали героические мотивы. Соответственно патриотическое чувство занимало центральное место и во всей русской поэзии того времени, находясь на вершине эстетической иерархии. Известно высказывание М.М. Хераскова: «Читатель! Ежели преходя все сии бедства нашего Отечества, сердце твоё кровию не обливается, дух твой не возмутится и, наконец, в сладостный восторг не придёт, — не читай мою «Россиюду» — она не для тебя писана — писана она для людей, умеющих чувствовать, любить свою Отчизну и дивиться знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойство своему потомству доставивших»³. Знаменательная программа теоретика и практика героической поэмы. Поэт останавливает наше внимание на формировании среды читателей-патриотов, которые говорят с автором на одном языке и правильно понимают его героику. Поэт, герой и читатель в такой системе представляют единое целое, треугольник единомышленников, внутри которого и рождается поэтическая героика. Этот феномен, конечно, имеет отношение не только к истории М.М. Хераскова, это закономерное явление для всего периода 1730–1810 годов, повлиявшее и на дальнейшую историю литературы.

Творчество А.С. Пушкина 1810-х годов, как и творчество поэтов — современников 1812 года, в истории русской поэтической героики — последний этап развития традиций XVIII века, традиций, бурно развивавшихся с 1730–1750 годов, и первый этап новой, связанной с именем А.С. Пушкина, русской поэзии, в которой ещё было немало прямых последователей Пушкина и героизаторов 1812 года.

Пройдут годы, не раз поменяется политическая конъюнктура, но актуальность высокой поэзии на рассеется, и гражданственные эмоции, запечатлённые Пушкиным, будут живым переживанием будущих поколений.

Руслан и голова.
Рис.
М.С. Нестерова

8

Херасков М.М.
Избранные
произведения. Л.,
1961. С. 181.